

Динамика развития гражданской культуры студенчества

Ю.Р. Вишневский, О.В. Путинцева, Д.В. Трынов

В статье рассматриваются теоретико-методологические проблемы гражданской культуры студенчества, анализируются ее компоненты. На основе результатов многолетних исследований гражданской культуры российского студенчества выявляется её динамика – в отношении понимания свободы и равенства как основных ценностей гражданской культуры, отношения к политике, уровень доверия социальным и политическим институтам, особое внимание уделено анализу аполитичности студенчества. В статье рассматриваются предварительные итоги сравнительного исследования гражданской идентичности студентов Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина и Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

У статті розглядаються теоретико-методологічні проблеми громадянської культури студентства, аналізуються її компоненти. На основі результатів багаторічних досліджень громадянської культури російського студентства виявляється її динаміка – відносно розуміння свободи і рівності як основних цінностей громадянської культури, ставлення до політики, рівень довіри соціальним і політичним інститутам, особливу увагу приділено аналізу аполітичності студентства. У статті розглядаються попередні підсумки порівняльного дослідження громадянської ідентичності студентів Уральського федерального університету імені першого Президента Росії Б.М. Єльцина та Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна.

У артыкуле разглядаюцца тэарэтыка-метадалагічныя праблемы грамадзянскай культуры студэнцтва, аналізуюцца яе кампаненты. На аснове вынікаў шматгадовых даследаванняў грамадзянскай культуры расійскага студэнцтва выяўляецца яе дынаміка – у дачыненні да разумення свабоды і роўнасці як асноўных каштоўнасцяў грамадзянскай культуры, адносіны да палітыкі, узровень даверу сацыяльным і палітычным інстытутам, асаблівая ўвага нададзена аналізу апалітычнасці студэнцтва. У артыкуле разглядаюцца папярэднія вынікі параўнальнага даследавання грамадзянскай ідэнтычнасці студэнтаў Уральскага федэральнага ўніверсітэта і Харкаўскага нацыянальнага ўніверсітэта.

The article is devoted to the theoretical and methodological problems of the civil culture of students; its components are analyzed. On the basis of the results of long-term studies of the civil culture of Russian students its dynamics is revealed in terms of understanding of freedom and equality as the main values of civil culture, attitudes to politics, level of trust to social and political institutions; special attention is paid to the analysis of political apathy of students. Authors examine the preliminary results of a comparative study of the civil identity of the students of Ural Federal University and Kharkiv National University.

Важной социокультурной характеристикой современного студенчества является его *гражданская культура, культура гражданственности*¹. Системное качество гражданского общества, приоритетная ценность в нем – права и свободы граждан. Культуру гражданского общества можно определить как систему ценностей, связанных с правами и свободами граждан. Степень развитости гражданской культуры определяется тем, насколько права и свободы граждан являются приоритетной ценностью, причем не столько в декларациях, официальной пропаганде, сколько в устройстве социальных институтов, в стиле их функционирования, в реальных социальных практиках.

Системообразующей, в определенном смысле – приоритетной ценностью гражданского общества, гражданской культуры следует признать *свободу личности*, права и свободы граждан. Свобода личности является базовым постулатом теории и практики либерализма. Свобода естественна, природосообразна, она – универсальная и высшая человеческая ценностью во все времена.

Речь идет о свободе выбора без каких-либо препятствий, свободе развивать свои способности и направлять это развитие в соответствии со своими желаниями, но чтобы это не препятствовало подобным свободам других людей.

Еще Гегель иронизировал, что нет слова, которое бы употреблялось столь часто и понималось столь плохо, как свобода.

¹ См.: Казаков Е.С., Шапко В.Т., Чегодаева Т.А. Культура гражданственности. Екатеринбург, 2004; Гражданская культура современного российского студенчества. Екатеринбург, 2007; Гражданская культура современного студенчества: материалы Международной конференции, посвященной 50-летию ССА-РОС. Екатеринбург, 2007.

В этом плане примечательны результаты федерального исследования РОС «Гражданская культура студенчества»¹. Какое же содержание вкладывают российские студенты в понятие «свобода»?

Таблица 1

Как Вы понимаете, что такое свобода?

Значения	Σ
Независимость в выборе жизненной позиции	67
Возможность самостоятельно обеспечивать себя средствами на жизнь	50
Возможность принимать самостоятельные решения с учетом общих законов	50
Наличие неотъемлемых прав и свобод	33
Способность не обращать внимания на обыденность	28
Возможность выбирать руководство и влиять на законодательство	18
Действие в соответствии со своими убеждениями	8
Способность переступить через общественные ограничения и запреты	6
Способность не подчиняться закону, если он не нравится	4

Итак, определяющей для молодых людей выступает способность принимать решения самостоятельно, независимо. Значим и экономический смысл свободы. Относительно низка ориентация на гражданский смысл свободы.

Ответы студентов показывают, что на вербальном уровне знания, понимания приоритетное значение имеют *позитивные* параметры свободы, имеющие определенный *прагматический характер*. На втором месте по приоритетности понимание неотъемлемости прав и свобод, что представляет отличительную черту именно гражданского общества в его *цивилизационной* интерпретации, а также способность не обращать внимания на обыденность, подниматься над прозой и рутинной повседневной, обыденной жизни. Вероятно, это вполне естественная ориентация для молодых интеллектуалов, которыми, хотя бы в какой-то мере, являются студенты. В этом же блоке и *прагматическое понимание* свободы как возможности воздействовать на что-то: выбирать руководство и влиять на законодательство. Незначительное число сторонников получило понимание свободы, связанное с убеждениями человека, с его нравственными ориентирами жизнедеятельности, с тем, что Кант называл «нравственный закон во мне». В качестве положительного результата следует особенно отметить, что совершенно незначительно число сторонников понимания свободы как вседозволенности (переступить через общественные ограничения и не подчиняться закону). В целом студенты продемонстрировали достаточно высокий уровень гражданской культуры в понимании ее базисной ценности – свободы. Причем это понимание весьма инвариантно в отношении представителей различных вузовских центров.

Если предыдущий вопрос дает представление о том, каково у студентов понимание свободы, то следующий вопрос должен был помочь выявить восприятие ими свободы на уровне чувства, имел более выраженный субъективный, эмоциональный характер:

Таблица 2

Я чувствую себя свободным, когда ...

Значения	Σ
В общественной жизни подчиняюсь общим законам, в частной – поступаю как хочу	53
Поступаю по совести, независимо от того, нарушаю закон или нет	29
Если могу обойти любой закон с выгодой для себя	11
Подчиняюсь общим для всех законам	7

Как видим, *рациональное* и *чувственно-эмоциональное восприятие свободы* у студентов в значительной мере совпадают. Незначительна доля респондентов, воспринимающих свободу

¹ Гражданская культура современного российского студенчества. Екатеринбург, М., 2007. С.187.

как *вседозволенность*. Преобладает довольно прагматичное ее восприятие. Характерно, что на чувственном уровне заметно больше доля тех, кто связывает восприятие свободы с нравственными проявлениями, с совестью.

В социологии свободу соотносят с *социальным контролем*: свобода не противостоит правовым и нравственным нормам; она не беспредельна и ограничена правом на свободу другой личности; свобода неотделима от ответственности; она предполагает внутренний самоконтроль – определение для себя тех границ и рамок, за которые человек не может выйти; свобода – это самостоятельный выбор человеком жизненного пути, моделей поведения, конкретных жизненных решений. Бытующее противопоставление социального контроля и свободы ошибочно в обоих крайних (односторонних) вариантах: контроль = ограничение свободы; свобода = бесконтрольность.

Проблема свободы и социального контроля особенно значима в периоды кардинальных социальных изменений. Возникает чрезвычайно сложная для человека и общества ситуация. Старые (тоталитарные) нормы и механизмы социального контроля рушатся, новые (демократические) еще не утвердились. В обществе возникает правовой (шире – социальный) беспредел, а на уровне человека – ценностно-нормативная дезориентация. В итоге путь от запретительного типа социального контроля («запрещено все, что не разрешено») к разрешительному («разрешено все, что не запрещено») на деле порождает ориентир вседозволенности («все разрешено!»). Поэтому у многих рождается тоска «по порядку», «сильной руке». Нельзя сбрасывать со счета и то, что тоталитаризм, ограничивая свободу личности, в чем-то снимал с нее бремя ответственности. Такая модель поведения, когда выбор предписан, для многих молодых людей была удобна своей определенностью, ясностью, ненужностью принимать самостоятельные решения и отвечать за них. Соотношение свободы и выбора порождает и непростые проблемы: всегда ли человек готов выбирать? Имеет ли он достаточную информацию? Обладает ли он необходимыми навыками и умениями для избранной сферы или вида деятельности? Да и где гарантии, что выбор правильный? Не придется ли ему сожалеть о выборе? И, наконец, альтернатива выбора должна смениться каким-то одним определенным решением. А оно превращает другие варианты выбора в нереализованные возможности. Не будет ли человек сожалеть о них? Не попытается ли вернуться к ранее отвергнутым вариантам? Выясняется: свобода не означает – делай все, что хочется. Да и хотеть быть свободным еще не значит стать им. Свобода – плод серьезных усилий. Но пока, как показывают социологические исследования, свобода как базовая ценность культуры гражданственности не входит в число ведущих ориентаций молодежи.

Фундаментальная ценность гражданского общества – *демократия* (как оптимальный – в сравнении с авторитаризмом и тоталитаризмом – политический режим). При этом особо выделяются: характер запретов, осуществляемых властью; отношение людей к власти; характер политического поведения власти и масс. Для социологии демократия – это:

- вопрос прав, обязанностей, процедур, гарантирующих права и обеспечивающих положение, при котором обязанности выполняются или могут быть выполнены;
- система, где основные руководители избираются при помощи выборов, в которых имеет право участвовать основная масса населения;
- система взаимодействия индивидов, регулируемая сетью представляющих интересы групп внутри данного общества социально-политических институтов – с целью установления общего согласия;
- конкуренция групп и одновременно баланс влияний. Каждому индивиду предоставляется право политического влияния. Но это влияние реально значимо лишь в том случае, если индивид присоединяется к группе. В ней находит свое воплощение единство свободы и социального контроля, это – свобода, ограниченная законом.

В центре внимания социологов – функционирование демократии как относительно эффективного механизма взаимодействия политических элит, лидеров и масс:

Предпосылки успешного функционирования демократии			
Выборность общественных должностей	Плюрализм источников информации	Свободные и справедливые выборы	Согласованность политики правительства с волей граждан

При этом, преодолевая панполитизм, многие социологи уходят сегодня и от понимания демократии как идеального политического режима. Все более подтверждается справедливость известного высказывания У. Черчилля: «Демократия – худший вид правления, за исключением остальных, которые еще хуже». Осмыслением этого и явились идеи «противоречивости демократии участия», «пределов демократии», «иронии демократии»¹:

- «Демократия участия – романтическая фикция. Массы некомпетентны в вопросах управления. Для этого у них нет ни времени, ни информации, ни навыков, ни знаний». «Массы авторитарны, нетерпимы, антиинтеллектуальны, дики, отчуждены, злобны, склонны к насилию. Политика масс носит экстремистский характер и невозможно предугадать, в каком направлении она может пойти».
- «Широкого участия народа в формировании общенациональных политических решений в современном индустриальном обществе не только невозможно достичь, но оно и несовместимо с либеральными ценностями индивидуализма, свободы личности и социальной справедливости». «Ирония демократии состоит в том, что именно массы, а не элита, представляют угрозу для сохранения демократических ценностей». Демократия – это «власть народа», но ответственность за выживание демократии лежит на плечах элит. Это ирония демократии: элиты должны править мудро, чтобы власть народа выжила. Если бы жизнеспособность американской системы зависела от активных, информированных и просвещенных граждан, то демократия в Америке исчезла бы уже давно, ибо массы в Америке апатичны и дезинформированы в политическом отношении и удивительно мало привязаны к демократическим ценностям».
- Жизнеспособность демократии» = «ее сдержанность».

Конечно, эти идеи не должны восприниматься однозначно. Не следует понимать их и как стремление уйти от демократии к диктатуре. Но главное – это ориентация на трезвую научную оценку демократии, которая противопоставляет ее не только диктатуре, но и охлократии (власть толпы). Вряд ли оправдано и жесткое противопоставление некомпетентных масс и элит. Не останавливаясь на специальном анализе этой проблемы, приведем мнение Т. Парсонса: «Высокое политическое развитие требует статусной дифференциации среди взрослого населения путем комбинации двух оснований. Первый включает уровни ответственности за согласованные коллективные действия и дает опору институтам лидерства и авторитета. Второй касается уровней компетентности, определяющихся знаниями, умениями и т.п. и придает большее влияние в коллективных действиях более компетентным». К тому же сами элиты могут рассматриваться и в аксиологическом ракурсе: «Элиты предстают перед массаами как воплощение социальных ценностей и как агенты их эффективной реализации»². Итак, различия в компетентности, способности брать на себя ответственность, умении принимать решения – необходимые предпосылки эффективного функционирования общества, его политической системы и политической культуры.

¹ См.: Каросерс Т. Трезвый взгляд на демократию // Pro et Contra. 2005. № 1; Олейник А.Н. Эрозия демократии в России и на Западе в свете гипотезы о негативной конвергенции // ОНС. 2007. № 3; Петухов В.В. Демократия и возможности социальной мобильности / В.В. Петухов // Россия реформирующаяся. Ежегодник. М., 2007. Вып. 6; Титаренко Л.Г. Постсоветская трансформация демократии: западные и отечественные интерпретации // Журнал философии и социальных наук. 2008; Alexander J. The Civil Sphere. N.Y., 2006; Crouch C. Post-Democracy. Malden, 2005. Eisenstadt S. N. Multiple Modernities. L., 2002.

² Санистебан Л. Основы политической науки. М., 1992. С. 15.

Итак, демократия весьма многогранное, многоаспектное явление. Утверждение такого понимания демократии – процесс длительный и противоречивый. Уже в 1997 г. российские социологи В.И. Добрынина и Т.Н. Кухтевич исследовали *поколенческий срез* понимания демократии¹ и выявили: с возрастом молодые люди все более ценят законность и правопорядок и, к сожалению, все менее – свободу личности. Что за этим стоит? Влияние стереотипов, преобладавших во времена первичной социализации старшей молодежной группы? Преодоление – по мере взросления – юношеских иллюзий о свободе «без берегов»? Совпадение начала самостоятельной жизни этой возрастной группы с разгулом вседозволенности, «беспределом»? Обращает внимание, что у разных возрастных молодежных групп проявилось полное единство в недооценке таких важнейших характеристик демократии, как власть народа и учет интересов меньшинства. В ответах большинства респондентов выделены два основных параметра демократии – *законность и свобода личности*. Тем самым, можно говорить о серьезном сдвиге в молодежном сознании в сторону современного понимания демократии. Но не надо самообольщаться – респонденты выбрали именно те демократические принципы, которых нашей российской демократии явно не хватает. Федеральное исследование РОС (2007) позволило увидеть динамику такого понимания.

Таблица 3

Что, на Ваш взгляд, является самым главным в демократии?

Значения	Σ
Возможность граждан влиять на решение государственных вопросов	44
Свободы личности	42
Равноправие граждан	35
Законность, порядок	35
Возможность защищать свои права законным образом	27
Свобода слова, мнений, СМИ	26
Власть народа	18
Ответственность и подконтрольность власти	14
Возможность регулярно избирать руководителей разных уровней	8
Учет интересов меньшинства	8
Условие и предпосылка экономического благополучия	6

Среди четырех, выделяемых студентами приоритетных компонентов демократии, как и среди выделяемых параметров свободы, есть прагматичные (возможность граждан оказывать влияние на решение государственных вопросов, законность и правопорядок), гуманитарные (свобода личности) и социальные (равноправие граждан). Среди второй группы компонентов свободы студенты отметили социально-политический (власть народа, возможность защищать свои права законным образом) и социокультурный (свобода слова, мнений). Наименее значимы, по мнению студентов, ответственность и подконтрольность власти; право избирать руководителей разных уровней; учет интересов меньшинства.

Но заметны и изменения в понимании демократии за 10 лет. Прежде всего они связаны с несомненным *приоритетом свободы личности*, её активного влияния на принятие управленческих решений над законностью и порядком. Весьма противоречиво можно интерпретировать и то, что лишь каждый четвертый респондент ассоциирует понятие демократии со свободой слова, мнений, СМИ и возможностью защищать свои права законным образом. С чем связана такая недооценка студентами этих важнейших компонентов демократии? С пропагандистским акцентом на особенности российской демократии? С её реалиями? С их известным прагматизмом в отношении демократии, когда она понимается как *инструментальная ценность*, путь к благополучию? Кстати, в 1990-х гг. именно такое понимание демократии преобладало в массовом сознании россиян. И это не могло не сказаться на ценностных установках студенческой молодежи.

¹ См.: Молодежная политика. Информационный бюллетень. 1997. № 141–142.

В качестве вывода можно отметить: у большинства студентов сформировалось сложное, *благожелательно-скептическое отношение к демократии*. Благожелательное – к самой идее демократии и её базовым ценностям, крайне скептическое – к её ключевым институтам (парламенту, профсоюзам, политическим партиям, СМИ). Однако неудовлетворенность функционированием большинства традиционных демократических институтов и процедур вовсе не означает стремления побыстрее от них избавиться. У многих есть отчетливое понимание того, что демократические завоевания представляют собой пусть слабый, но все же противовес экспансионизму российской бюрократии, своеобразную «страховочную сетку» против окончательной узурпации ею власти.

Противоречивость представлений студенческой молодежи о демократии проявляется и в том, что нередко *правопорядок* (т.е. власть закона) сводится к *порядку* (в том числе, с применением любых – даже противозаконных – средств, включая силовые). Очевидно, с этим связана тоска по порядку как власти «сильной руки».

Федеральное исследование РОС отразило переориентацию в отношении современного студенчества к базовым социально-политическим ценностям (свобода, равенство):

Таблица 4

Отношение студентов к свободе и равенству

Равенство – это...	%
Иллюзия: полного равенства в жизни невозможно, но надо стремиться	41
Равные стартовые возможности для всех	32
Плюрализм – нельзя запрещать чужие взгляды, позиции	27

Налицо позитивные изменения и продвижение к более глубокому пониманию равенства в соотношении его с равенством возможностей и плюрализмом. Но сохраняется и пока преобладает противоречивая трактовка равенства, сочетающая понимание иллюзорности, несбыточности полного равенства в реальной жизни с нечетким пониманием мерности этого феномена. Наиболее принимаемое сегодня – и это качественная характеристика нового поколения россиян – отрицание уравниловки, псевдоравенства. Получает распространение и идея равных стартовых возможностей. Утверждается и значимость автономности личной жизни. Впрочем, продолжает действовать и стереотип допустимости вмешательства в частную жизнь.

Теснейшим образом с гражданским обществом, с гражданской культурой студенчества связано его правосознание. Права и свободы личности являются системной характеристикой гражданского общества, а развитое правосознание важнейшим элементом гражданской культуры. Приоритет права – то, без чего гражданское общество в реальности невозможно. Неслучайно с понятием гражданского общества тесно коррелируется понятие правового государства. При этом важно понимать дуалистическую природу права: «Право, ограничивая личную свободу, должно в то же время и обеспечивать ее. Иначе оно вырождается в насилие и деспотизм. Свобода, которая ограничивается, но и обеспечивается правом, называется гражданской свободой»¹.

Основной компонент правосознания – отношение к закону. Оно реализуется, как и многие другие компоненты культуры гражданственности, в трех взаимосвязанных аспектах: гносеологическом (знание законов), аксиологическом (ценностное восприятие законов), праксиологическом (следование законам в поведении). Каждый из этих аспектов в реальной жизнедеятельности разных личностей, общностей и социума в целом может иметь широкий диапазон в уровне и направленности: от глубокого знания законов до поверхностного знания и даже до полной правовой неграмотности и неинформированности; от позитивной оценки законов (как справедливых, своевременных, полезных, защищающих права человека) до негативной (как несправедливых, устаревших, ненужных, ограничивающих права человека); от неукоснительного следования законам до избирательного отношения к ним и даже до прямо-

¹ Витте С. Перепутье // Новое время. 1994. № 32. С. 41.

го нарушения их. Возможен и разрыв в уровне развитости отмеченных аспектов, когда хорошее знание закона не исключает правонарушение или негативная оценка закона используется как аргумент для избирательного его применения. Ориентиром в формировании высокой правовой культуры студенчества могут быть размышления известного российского философа И. Ильина: «Могут встречаться нецелесообразные или несправедливые законы, которые были неудачны с самого начала, или такие, которые с течением времени утратили свою жизненную полезность, но закон не отменен, он должен применяться и соблюдаться по римской формуле – «суров закон, но он закон». Тот, кто умеет блюсти «суровый» закон вплоть до его отмены, – тот предотвращает анархию и бесправие, ограждает принцип права и воспитывает правосознание своих граждан».

Серьезные особенности динамики гражданской культуры студенчества позволил выявить 14-летний мониторинг студентов Свердловской области (1995–2009 гг.)¹

В рамках деятельностного подхода культура гражданственности определяется как качественная характеристика различных видов деятельности социальных общностей, суть которой в том, что она выступает мерой самореализации человека как гражданина, причем не в формально-юридическом, а в социокультурном смысле этого понятия. Социологический анализ позволяет выяснить, насколько распространены, типичны в обществе соответствующие социальные практики. Гражданская культура характеризует гражданское общество не с точки зрения его институционального устройства, а с точки зрения способов деятельности людей. И в этом смысле можно сказать, что без определенного уровня гражданской культуры, проявляющегося в традициях, в стереотипах, привычных способах деятельности, гражданское общество невозможно. Без этих характеристик общество, претендующее на то, чтобы быть гражданским, является лишь его формальным подобием.

В качестве субъекта культуры выделяется личность. Такой подход имеет ряд особенностей. В современной социологии предпринимаются попытки взглянуть на гражданское общество с точки зрения действующего субъекта, актора социальных отношений. *«Гражданская позиция»*, *«гражданственность»*, *«гражданская ответственность»*, *«гражданское участие»* и подобные термины все чаще и чаще встречаются в работах, посвященных проблематике гражданского общества.

Несмотря на то, что значения данных понятий четко не определены, носят открытый, незавершенный характер, можно выделить основные тенденции в их определениях. Так, термин *«гражданская позиция»* можно обозначить заявленное отношение гражданина к тем или иным социальным, политическим или экономическим проблемам. Понятием, которое в наилучшей степени соответствовало бы требованиям полной характеристики личности как субъекта гражданского общества, представляется категория *«культура гражданственности личности»* или *«гражданская культура»*, в широком смысле, не сводимая к одному из видов политической культуры. Что же она представляет собой как понятие и как социокультурный феномен?

Во-первых, она характеризует личность в особом состоянии. Личностная культура является достаточно сложной системой, в которой, в зависимости от контекста исследования, выделяют разные личностные субкультуры (экономическую, политическую и т.д.). В этом плане методологически важным является соотношение культуры гражданственности и культуры личности в целом. Является ли культура гражданственности уровнем развития всей личностной культуры или функционирует в рамках последней как часть? С одной стороны, необходимо учитывать то, что в современном обществе практически нет таких сфер социальных отношений, в которых поведение личности не могло бы быть соотносено с представлениями о правах человека и гражданина. Гражданственность как характеристика личностной культуры является универсальной характеристикой, то есть проявляющейся во всем спектре социальных контактов (взаимодействий, связей) личности. В данном случае можно говорить, что культура гражданственности соответствует уровню, состоянию культуры лич-

---

¹ См.: Студент–2009. Екатеринбург, 2009. С. 106–130.

ности в целом, и ей противостоят *негражданственные* культуры: подданническая, авторитарная. С другой стороны, можно утверждать, что культура личности в целом шире культуры гражданственности, так как содержит многие элементы, не относящиеся к гражданскому состоянию (например: предпочтения в художественной культуре, технологические или научные знания, религиозные представления). Такие элементы выводятся за пределы культуры гражданственности.

Во-вторых, *культура* гражданственности отличается от других аспектов гражданского состояния личности: формально-юридического *статуса* гражданина, гражданственности, понимаемой как социальный институт. В таком контексте прослеживается различие понятий культуры и общества, обозначающих разные уровни реальности, которые, несмотря на введение термина «социокультурный», не рассматриваются как тождественные друг другу. Понятие культуры гражданственности выполняет те же методологические функции, что и понятие культуры в целом, в частности – описания идеальных, субъективных сторон социальных систем и акторов социального взаимодействия. Другим свойством понятия культура является его предельность, поэтому понятие культуры гражданственности не сводится к гражданской идентификации, политическому или неполитическому участию и т.д., но выступает по отношению к ним как общее понятие, характеризующее личность гражданина в целом.

Все более возрастает в условиях растущего культурного разнообразия и взаимодействия различных культур, стилей и образа жизни значимость такого качества культуры гражданственности, как *толерантность*. Ориентиром на перспективу должны стать слова культуролога Ю. Лотмана: «У нас нет культуры ценить другого человека, мы все хотим, чтобы он был такой, как я, чтобы с ним было легче разговаривать. Чем больше люди уважают разницу между собой и другими, тем более они общественны, так как общество – это не набор солдат, а оркестр, где каждый инструмент ведет свою мелодию. Если бы мы все были одинаковыми, даже выполненными по самым лучшим рецептам, мы бы просто не выжили: общество держится на различии между людьми. Надо обеспечить человеку право быть другим».

От рассмотрения общих характеристик культуры гражданственности перейдем к анализу ее измерений и структурных элементов.

Аксиологическое (ценностное) измерение гражданской культуры фокусируется на анализе определенных – гражданских – ценностей и представляет личность в качестве носителя специфической системы ценностных ориентаций и сформированных на их основе предпочтений и убеждений. Гражданин, рассматриваемый в контексте культуры, характеризуется особой позицией по отношению к социальным проблемам и состоянию общества в целом, к своей роли в общественном процессе, а также особым восприятием других участников общественного процесса, особой оценкой своих и чужих поступков. Характеристики гражданской позиции, соотношение ценностных ориентаций и отношений, их расположение на отметках «аксиологической шкалы» являются качественными показателями сформированности культуры гражданственности личности.

Гносеологическое (информационное) измерение культуры гражданственности обращает внимание на усвоение индивидом знаний, необходимых для самореализации в качестве полноправного гражданина. В самом общем виде это знания о принципах функционирования социальной системы, о правах и обязанностях, о нормах поведения, о свободах и т.д. Приобщаясь к культуре гражданственности, личность приобретает специфическую когнитивную и коммуникативную компетентность, формирует особое мировоззрение, способность толковать и определять ситуации с точки зрения гражданственности.

Праксеологическое измерение культуры гражданственности обращает внимание на то, что гражданское общество характеризуется особым состоянием системы коммуникаций, гражданской активностью его представителей, то есть определенной практикой общественных отношений, поведением индивидов. Исходя из этого, формирование культуры гражданственности на праксеологическом уровне определяется характеристиками социальной активности личности.

Важным элементом гражданской культуры, своеобразным ее стержнем, формирующим основные принципы политического участия, взаимоотношений между различными группами и слоями общества, отдельными гражданами является ее *политический компонент*. В связи с выделением политической составляющей культуры гражданственности необходимо определить, как она соотносится с уже принятой в социологии концепцией политической культуры, в рамках которой Г. Алмонд и С. Верба выделили три типа политической культуры: патриархальная, подданническая и культура участия.

Исследования показывают, что сегодня политическая культура российского общества находится в процессе становления и переживает трансформационные явления, связанные с изменением политического режима в стране. Это выражается в тенденциях изменения аксиологического компонента политической культуры:

- деидеологизация ценностных предпочтений;
- формирование и развитие «потребительского» и адаптационного индивидуализма;
- ослабление патерналистских установок;
- незавершенность формирования непротиворечивой системы ценностей, которые бы разделялись большинством россиян¹.

Известный американский политолог Р. Инглхарт, обобщив современные данные о динамике политической культуры в странах Запада, вслед за Г. Алмондом и С. Вербой пришел к выводу, что важнейшим фактором демократизации общества являются отнюдь не политические, а общекультурные чувства «межличностного доверия», «терпимости друг к другу», «высокого уровня жизненной удовлетворенности».

В чем же заключается специфика политического компонента культуры гражданственности? Одной из главных ценностей культуры гражданственности является свобода (гражданское общество противопоставляется другим типам социальной организации именно как свободное общество). Основные сущностные характеристики свободы и этапы ее осуществления: выбор, решение, ответственность; что подразумевает наличие не только внешних (открытость социальной системы, наличие множества альтернатив жизненного пути), но и внутренних условий. К внутренним условиям осуществления свободы можно отнести следующие: наличие у человека убеждения в своей самостоятельности, суверенности, независимости – в том, что он сам решает свою судьбу; критическое отношение к сложившимся догмам, стереотипам массового поведения; готовность идти на оправданный, продуманный, основанный на высоком профессионализме риск; осознание меры ответственности за свой выбор; предвидение не только ближних, но и дальних перспектив².

Конечно, такое развернутое – философское – понимание свободы недоступно для широких кругов граждан и достаточно сложно укладывается в рамки нормативных систем. Поэтому в политической культуре укореняется ценность достаточно конкретных гражданских *свобод и прав*, обеспечивающих неприкосновенность, независимость индивида. В системе гражданских свобод можно выделить следующие типы. *Личные свободы* (свободы передвижения, выбора места жительства, неприкосновенность жилища и тайны интимной жизни, неприкосновенность гражданства, имущества). *Публичные свободы*: слова, вероисповедания, совести, объединений, собраний, профессий, занятий, мнений, информации. *Местные свободы*, связанные с местным самоуправлением. *Право на равенство* (равенство перед лицом закона, при найме на работу и т.д.), *право на собственность*, *право на достоинство*, *право на безопасность* и, конечно, *демократические права* (права на участие во власти).

Одна из важнейших ценностных ориентаций культуры гражданственности – ориентация на *гражданскую активность*. Вместо того чтобы быть носителем или получателем гражданских прав и свобод, активный гражданин сопоставляет общественное благосостояние со своим собственным, находит баланс между выгодами и ущербом, ориентируется на права, потребности и нужды других людей и рассматривает ответственность, обязанности как про-

¹ См. Лапкин В., Пантин В. Ценностные ориентации россиян в 90-е годы // Pro et contra. 1999. Т. 4. № 2. С. 156–157.

² Коган Л. Н. Теория культуры. Екатеринбург, 1993. С. 98–99.

должение прав. Активность – следствие ощущения хрупкости достигнутого уровня политического, правового и (только затем) экономического благосостояния. Общество не может быть воплощением свободы, справедливости и других ценностей, оно может быть только *более свободным, более справедливым*, чем другие.

Центральное место среди гражданских прав занимают права политические, без которых невозможна полноценная реализация остальных прав. Основопологающей идеей здесь можно считать мысль И. Канта о том, что гражданин должен подчиняться только тем законам, на которые он дал согласие¹. Эта идея существует и в теории делиберативной демократии Ю. Хабермаса («граждане являются авторами закона, которому они подчиняются как его адресаты»). Большинство граждан в определенный момент времени пассивны, они играют роль политического резерва, но скорость, с какой мобилизуется этот резерв, показывает повышенную чувствительность граждан к колебаниям политического поля. Политическая культура гражданственности – это не только культура участия в голосовании, но и культура реального включения в процесс выработки и реализации государственной политики в период между выборами.

Политический компонент культуры гражданственности тесно связан с ее *правовым компонентом*, как связаны между собой и тесно переплетены политические и правовые идеи, политическое и правовое сознание, политическая и правовая культуры. Правовая культура узаконивает гражданское общество теоретически, а политическая культура делает его возможным, осмысляя его идеологически и воплощая организационно-практически.² В то же время основные ценности гражданского общества, представленные на политическом уровне культуры гражданственности в виде идеологии, получают нормативное выражение в праве и вызывают особое отношение к закону, который становится тем более ценен, что он не устанавливается извне, а учреждается самими гражданами. Правовой элемент культуры гражданственности характеризуется уважительным отношением к закону как к способу организации общественной жизни. Но уважительное отношение не распространяется на *любой* закон. Что же служит критерием оценки закона?

В отличие от политики, которая в рамках культуры гражданственности подвергается моральному измерению, в развитой культуре мораль и право не пересекаются. Мораль жестко детерминирована культурой личности или группы; в одной социальной системе, характеризующейся как гражданское общество, могут сосуществовать различные субкультуры, каждая из которых генерирует собственную мораль, например, протестантские общности с жесткими моральными требованиями и группы молодежи с достаточно либеральной, нежесткой моралью. Возникает вопрос, чья мораль должна быть узаконена? Мораль и закон – разные феномены. Моральные проблемы практически не имеют решения на правовом уровне в гражданском обществе. Этому подтверждение – многолетние дискуссии по поводу откровенных сцен в фильмах, ненормативной лексики в литературе, права гомосексуальных семейных пар на опеку, право на эвтаназию. Поэтому закон не должен иметь моральный, религиозный или подобный им характер, хотя зачастую правовые нормы выполняют функцию охраны общественной нравственности, но нравственности «репрезентативной», общепризнанной, построенной на определенном компромиссе, с учетом всевозможных позиций. Эти нормы не запрещают определенные действия, но ограничивают место, время и способы осуществления этих действий.

Каковы же тенденции развития гражданской культуры студентов свердловских вузов за время мониторинга? Уже первые этапы мониторинга отразили уменьшение доли негативных оценок политических изменений в России. Общая стабилизация политической ситуации с 2000-2001 гг. отразилась и на социально-политических настроениях студенчества. И тем

---

¹ Кант И. Метафизика нравов // Немецкая классическая философия. Т. 1. Право и Свобода. Москва–Харьков, 2000. С. 120.

² Каган М. С. Гражданское общество как культурная форма социальной системы // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 6. С. 53.

важнее выявить – как скажутся на них мировой финансово-экономический кризис и его социальные последствия. Исходный момент такого изучения – *анализ отношения к политике*.

Рис. 1. Динамика отношения к политике

Расхождения столь не значительны, что не могут повлиять на общий вывод: сохранились существенные тенденции, зафиксированные уже на первых этапах мониторинга (в 1995 и 1999 гг.):

- *политика не является приоритетной сферой интересов* и потребностей молодежи (характерно сравнение ответов студентов в 2007 и 2009 гг.: в целом отношение к политике мало изменилось; при этом несколько вырос интерес к политической информации, меньше стало равнодушных к политике, но чуть больше стало относящихся к ней негативно);
- интерес студенческой молодежи к политике носит в основном *ситуативный* характер, она не безразлична к конкретным политическим событиям в стране, регионе, но политическая заинтересованность проявляется у нее избирательно (от случая к случаю). Основная форма интереса молодежи к политике сегодня – *информационная*. Выявилась несостоятельность распространенного в последние годы стереотипа, когда пассивное отношение молодежи к политике переносилось и на интерес к информации о политике.

Крайние позиции (активизм – негативизм) изменялись незначительно и в противоположных направлениях. Доля тех, кто активно участвует в политической деятельности различных партий и движений, достигла 3-4%, что соответствует уровню развитых стран, отражая становление (медленное, но верное) деполитизированного гражданского общества.

Отношение к политике уральского студенчества в основном совпадает с отношением российского студенчества в целом¹. Интерес к информации о политике у мужчин несколько больше, чем у женщин (соответственно и меньше равнодушных). Но у «гуманитариев» и «экономистов» (хотя среди них удельный вес женщин больше) он выше, чем у технарей и естественников. Такие несовпадения свидетельствуют о сложности, противоречивости, парадоксальности молодежного политического сознания².

Представление о корнях этой парадоксальности дает анализ мотивов аполитичности студенчества (см. табл. 5).

¹ Гражданская культура современного российского студенчества. Екатеринбург, 2007. С. 228.

² Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Парадоксальный молодой человек // Социс. 2006. № 6. С. 26–36.

За два года при незначительности изменений в оценке отдельных мотивов сохранилась структура мотивации, её приоритеты.

Таблица 5

Мотивы аполитичности молодых людей, % от ответов

Значения	2007	2009
Неуверенность, что личное участие может иметь значение	35	30
Отсутствие интереса к политике	25	30
Недоверие к политикам, низкий престиж их у молодежи	25	25
Наличие других интересов	25	21
Слабая осведомленность о политическом процессе	19	20
Безразличие к политике (она далека от жизненных проблем)	16	16
Политика – грязное дело, нужно быть от нее подальше	12	10

В мотивации аполитичности переплетаются *субъективные и объективные факторы*. С одной стороны, – отсутствие интереса к политике (отметил каждый третий (2009) и четвертый (2007)), слабая осведомленность о политической жизни (каждый пятый), наличие других интересов (каждый четвертый (2007) и пятый (2009)). С другой, – сказывается и реальное качество российской политической жизни. Именно этим в значительной степени и определяется политическая пассивность и аполитичность студенческой молодежи. Каждый третий респондент не уверен, что его личное участие может как-то повлиять на принимаемые политические решения. У каждого четвертого это дополняется недоверием к политикам. Сохраняется (хотя за годы мониторинга и несколько уменьшилось) отношение к политике как к «грязному делу».

Аполитичность значительной части молодежи выступает следствием и крушения традиционных идеологических стереотипов, и неприятия молодыми людьми новых попыток манипулировать ими для достижения политических выгод и целей.

Аполитичность не может рассматриваться однозначно. Аполитичность прежде всего – неприятие политики в традиционном, классово-управленческом, надличностном виде. Это важно учитывать при оценке современной социально-политической ситуации и ориентаций людей. Начало реформ 1990-х гг. породило иллюзию смены «плохой» политики и «плохих» политиков новыми, «хорошими». И действительно, произошло немало позитивных изменений. Но драматизм ситуации – в сохранении многих черт отчужденности человека от властных структур. Многие современные политики, даже демократически настроенные, не смогли вырваться из плена стереотипа: власть – «основной вопрос революции», да и всей общественной жизни. А средства массовой информации – пусть и с разных позиций – пытаются навязать эти правила игры общественному мнению. Но эти игры во властных структурах (значимые для самих «игроков») в общественном сознании воспринимаются как нечто далекое от насущных жизненных интересов людей.

Долгие годы у советских людей формировали, и небезрезультатно, стереотип, что *все* должны принимать (или, во всяком случае, стремиться к этому) *активное* участие в политике, что политика высшая сфера жизни общества и человеческой деятельности. Некоторые политики даже объявляли политику наиболее творческим видом деятельности. Человек, не принимавший активного участия в политике, считался отсталым, аполитичность рассматривалась как свидетельство неразвитости. Постоянно вспоминалось, что в переводе с греческого идиот – значит не интересующийся делами полиса, т.е., другими словами, аполитичный = идиот.

Еще в конце 1970-х – начале 1980-х гг. *аполитичность* рассматривалась как однозначно отрицательное явление, с которым надо было «бороться». В годы перестройки – как индикатор кризиса идеологии тоталитаризма. Сегодня она приобретает *новый смысл*. Речь идет уже об утрате доверия и разочаровании в новых демократических ценностях и идеалах. А что за этим? Прежде всего – осознание (после десятилетий суперполитизации и идеологизации общества) простой истины: для большинства граждан политика и не должна быть главной сфе-

рой их жизни. Сегодня это признают и некоторые политологи. Так, М. Дюверже подчеркивает: «Всё – или почти всё – имеет политический аспект и ничто – или почти ничто – не принадлежит политике целиком». Впрочем, в социальной мысли такие идеи не новы. Сошлемся хотя бы на мнение российского философа Н.А. Бердяева: «Неправедно политику признавать центром жизни. Довести политику как таковую до крайнего минимума, до окончания политики, до растворения ее в культуре и религии – вот что должно быть нашим регулятивом»¹.

Одновременно важно понимать и другое: присущие людям политические (и иные) *стереотипы* – это реальность; поэтому политики должны их учитывать. Как ни парадоксально, аполитичность может рассматриваться и как признак становления гражданского общества. Ведь для гражданина такого общества участие или неучастие в политике – результат *личного выбора*, а не следование внешним требованиям. В гражданском обществе вмешательство политики в жизнь человека ограничено. Тотальный контроль извне, когда властные структуры определяют, что можно и что нельзя, сменяется внутренним самоконтролем личности: что она может и чего она не должна делать.

И еще один момент – аполитичность не тождественна гражданственности. В ней есть и негативный аспект – отказ от участия в любой политике. И тем самым – безразличие к судьбам общества. Но если верно, что не каждый должен непосредственно участвовать в политике, то столь же верно и другое, что не может быть демократическим обществом, в котором большинство аполитично. «Обществу, – по оценке Р. Дарендорфа, – смирившемуся с длительным существованием внутри него группы, по-настоящему в нем не заинтересованной, угрожает опасность. Это означает, что класс большинства отныне не уверен в устойчивости своего положения. Он устанавливает границы там, где их быть не должно, и колеблется, когда дело доходит до соблюдения правил, придуманных им же самим»².

В результатах мониторинга обращает внимание, что на первый план в оценках респондентов (которые в силу специфики вопроса выступают как своеобразные эксперты) выходит не негативное или безразличное отношение к политике, не отсутствие интереса к ней, а *недоверие к политикам* и – главное – *неуверенность, что личное участие может иметь значение*. В интерпретации этой неуверенности можно (ссылаясь на предыдущие исследования) выделить ряд аспектов. Она, конечно, отражает реальную политическую отчужденность многих молодых людей. Но все чаще – особенно среди студенчества – приобретает форму неприятия дилетантизма, непрофессионализма в любой сфере жизнедеятельности (в данном случае – в политической сфере).

Аполитичность части молодежи сегодня связана и с *иллюзиями о демократии как быстрых и позитивных изменениях*. Но уже с ранних этапов демократизации нашего общества важно понять: демократия несовершенна, она – процесс; преодоление тоталитаризма – это отказ не только от произвола и всесилия власти, но и от стереотипа – «политика – дело каждого». Опросы молодых показывают: многие уже преодолели данный стереотип.

Для более глубокого понимания отношения студентов к политике, их гражданских позиций, характера и содержания их гражданской культуры важно выявить их *идеологические позиции*. Надо учитывать подходы в отечественной и зарубежной социальной науке к пониманию идеологии как социального феномена. В них акцентируется:

- ее характер как системы идей, отражающих социальную действительность с позиций определенной социальной группы;
- её организационно-интегрирующая роль – разработка символов, стереотипов, мифов, которые объединяли бы общество, социальные группы вокруг господствующей или борющейся за господство элиты («Согласовывать, стройно связывать, – это и значит организовывать. То же делает идеология в общественном процессе» (А. Богданов));
- её противоречивое взаимодействие с научным познанием («наука об идеологиях еще возможна, идеология как наука – нет»).

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 171.

² Дарендорф Р. Современный социальный конфликт // Иностранная литература. 1993. № 4. С. 241–242.

В социологической характеристике идеологических процессов сталкиваются концепции де- и реидеологизации. Теоретики «деидеологизации» («де» – означает завершение, преодоление) выделили важный момент конфликта науки с идеологией. Они говорили о «закате», «крахе» идеологий. Аргументация преобладала такая:

- классовость любой идеологии = «искажение истины интересом»;
- соответственно, идеология рассматривается как «ложное сознание»;
- с развитием НТР возрастает роль науки, которая и замещает идеологию.

Многое в этой аргументации заслуживает внимания. Правда, спорным является исходное жесткое противопоставление научности и классовости. Но главное даже не в этом. Оказался явно недооцененным другой (*побуждающий*) аспект идеологии. Крушение идеологий, ценностей, идеалов порождает «идеологический вакуум», что сказывается в дезориентации людей. Они не знают, во что им верить, на какие ценности ориентироваться. Именно такое состояние возникло сегодня в нашем обществе. Но оно приходит в противоречие с необходимостью активного участия людей в социальном обновлении общества. И не случайно, как попытка найти выход из ситуации, получают распространение идеи «реидеологизации» («ре» – возрождение).

В них подчеркивается *ценностно-ориентирующая роль идеологии*. Она рассматривается как способность каждого человека решать проблемы. Человек даже характеризуется как «идеологическое животное». Но и этот подход не лишен ограниченности: недооценивается, что в идеологиях – так или иначе – выражаются интересы различных слоев, социальных групп, общностей. В обществе, где существует и резко усиливается социальная дифференциация, расслоение, надежды на новую идеологию – «общечеловеческие ценности» – оказались очередной утопией.

С учетом сказанного, крайне важно, чтобы в рамках изучения различных (особенно – гуманитарных) дисциплин реализовывался *идеологический плюрализм*, чтобы ученые усиливали научность, качество проводимых исследований, стремясь дать как можно более объективную картину социальных процессов в обществе. Конечно, нужно видеть и то, что идеологический плюрализм, многообразие позиций, мнений, оценок, рекомендаций и прогнозов ученых может по-разному сказаться *на отношении к науке со стороны людей и властей*. Особенно – с учетом многолетней привычки к идеологическому однообразию и попытками утвердить его в новой форме.

Каковы же самооценки участников мониторинга и федерального исследования РОС по поводу их идеологических ориентаций?

Таблица 6

Каковы ваши идеологические ориентации?

Значения	2007	2009
Я не придерживаюсь какой-то определенной идеологии	35	32
Я за особый (российский) путь развития	24	21
У меня нет четких ориентаций	23	27
Сторонник либеральных рыночных реформ	15	14
Меня привлекают идеи социализма	3	4

За два года осталось неизменным главное – более половины респондентов – студентов или не имеют четких ориентаций, или не придерживаются никакой идеологии. Результаты двух последних этапов мониторинга во многом сходны и отличаются лишь акцентами на ту или иную позицию. Но сами эти акценты не касаются общей картины.

Вряд ли возможно полное отсутствие каких-либо гражданских позиций, хотя бы и на уровне обыденного сознания. Но если понимать под идеологией систему рационально осмысленных социально-политических ценностей, то такие ответы респондентов выглядят вполне правдоподобными. Лишь 2 из 5 респондентов (и в 2007 г., и в 2009 г.) более-менее четко определились. Распределение сторонников различных идеологических позиций также

представляется достаточно репрезентативным. В 2009 г., например, по оценкам респондентов, соотношение «самобытности (особого пути России)», «либерализма», «социализма» выглядит так: 5: 3: 1.

По всем социологическим опросам последних 15–20 лет число сторонников *идей социализма* среди молодежи, в том числе среди студенческой молодежи, мало и все более сокращается. И 3–4% в наших опросах вполне прогнозируемая величина. Постепенно меняется соотношение сторонников либеральных рыночных реформ и особого «российского» пути в пользу последнего ориентира (их соотношение по результатам мониторинга в 2007 г. – 1 : 1,6, в 2009 г. – 1: 1,5). В условиях длительного существования кризисных проявлений в различных сферах жизни российского общества, с одной стороны, и в связи с успехами на нефте-газовом рынке, с другой стороны, иллюзии по поводу некоего «особого пути» получали все более широкое распространение. Сохранится ли это на перспективу сказать трудно. По крайней мере, иллюзорные представления на начальном этапе мирового кризиса, что его негативные социальные последствия «нас обойдут стороной», не оправдались. Жизнь все более явно говорит о реальности процесса глобализации – с её, как выясняется, не только позитивной стороной. Учтем и то, что выбор того или иного идеологического ориентира у многих респондентов не является чем-то устойчивым, глубоким, связанным с осмысленной жизненной позицией, убеждениями.

Следующий уровень анализа – отношение студентов к *конкретным идейно-политическим течениям*. Формирование многопартийности, политического плюрализма порождает пестроту и неустойчивость этих течений. Поэтому сегодня трудно жестко соотнести ту или иную идейно-политическую позицию с определенной партией (тем более что сегодня типичным методом политической борьбы стало перехватывание лозунгов или целенаправленный отказ от их четкой формулировки). Тем не менее, анализ отношения студенческой молодежи к конкретным партиям показателен.

Отношение студентов к *политическим партиям* регулярно рассматривалось в мониторинге. Но сопоставление данных затруднено из-за использования разных методик (в 2003 г., например, акцент делался на характере такого отношения: интерес – безразличие). Да и перечень партий за эти 14 лет существенно менялся: одни – как «Единая Россия» – выходили в лидеры, другие – сходили с политической арены, третьи – объединялись, утрачивая самостоятельность. В мониторинге 2007 г. и 2009 г. была использована методика Левада-центра – с акцентом на самоидентификацию с конкретными партиями:

Четко прослеживается усиление двух тенденций, выявленных на предыдущих этапах мониторинга:

- укрепление лидерских позиций «Единой России» (в 2007 г. её готов был поддержать каждый третий респондент, в 2009 г. – 2 из каждых 5);
- сохраняющееся безразличие ко всем партиям (хотя и тут есть подвижки: в 2007 г. каждый второй отметил, что ни одна из партий не отражает интересы таких людей, как они; в 2009 г. таких респондентов стало несколько меньше – 2 из каждых 5).

Трудно сказать, повлиял ли на ответы респондентов переход в избирательной системе России на партийные списки. Тем более что формулировка «ни одна из них» легко трансформируется в позицию молодого избирателя – «против всех» (но в рамках «обновления» и «развития» российского избирательного законодательства эта позиция убрана из бюллетеней) или – чаще всего – в уклонение от участия в выборах (хотя законодатели «предусмотрели» и это обстоятельство, сняв порог явки избирателей).

Важный аспект анализа гражданской культуры – отношение, доверие респондентов к власти, к людям во власти, к различным социально-политическим институтам.

Исследования социологов показывают¹, что положительная оценка людей у власти только у 4–6% опрошенных. Еще каждый третий – пятый оценили их как честных, но слабых или малокомпетентных (при заметном снижении числа сторонников такой оценки). В то же вре-

¹ См.: Мониторинг Левада-центра. Власть в общественном мнении // Социс. 2006. № 8. С. 77.

мя уже почти две трети респондентов выражают очевидное недоверие людям у власти, считая их прежде всего карьеристами. Причем число сторонников такой оценки заметно растет. Это обстоятельство, на наш взгляд, становится существенным фактором, негативно влияющим на формирование гражданской культуры студентов. Особенно тревожит распространение таких негативных представлений в общественном мнении (что не может проходить и без влияния на студенчество) в отношении правоохранительных органов. Дело, однако, не только в невысоком уровне доверия к людям во власти, но и в целом к социально-политическим институтам, которые в значительной степени должны были бы формировать высокий уровень гражданской культуры у молодежи, студентов.

Таблица 7

Динамика доверия к различным социальным и политическим институтам

Социальные и политические институты	1999 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.
Президент РФ	-0,48	+0,31	+0,32	+0,18
Церковь	-0,12	-0,26	-0,02	+0,02
Правительство РФ	-0,40	-0,29	-0,04	-0,02
Федеральные СМИ	+0,04	-0,43	-0,38	-0,52
Местные СМИ	-	-0,45	-0,30	-0,38
Губернатор Свердловской области	-0,26	-0,50	-0,32	-0,36
Армия	-	-0,59	-0,54	-0,32
Правительство Свердловской области	-0,28	-0,60	-0,32	-0,32
Государственная Дума РФ	-0,56	-0,62	-0,66	-0,46
Законодательное Собрание Свердловской области	-0,33	-0,65	-0,42	-0,42
Правоохранительные органы	-0,46	-0,68	-0,36	-0,28
Местные правоохранительные органы	-	-	-0,46	-0,38
Городская Дума Екатеринбурга	-	-0,75	-0,56	-0,50
Администрация Екатеринбурга	-0,15	-0,81	-0,38	-0,38
Политические партии, движения	-0,57	-0,83	-0,68	-0,66

Индекс рассчитывался как результат суммирования позитивных (да, доверяю; +1) и негативных (нет, не доверяю; -1) оценок.

За годы мониторинга ситуация, оставаясь в общем достаточно неизменной, существенно меняется в отношении к Президенту РФ. Конечно, она была во многом персонифицирована и Д.А. Медведеву еще не удалось выйти на рейтинги В.В. Путина (перенесшего, став главой Правительства РФ, часть своего престижа на этот политический институт, но – как заметно – не выведя его из «-»вого рейтинга). Но Президент РФ остается почти единственным институтом, пользующимся доверием. В рамках опроса 2009 г. более позитивным стало и отношение к Церкви.

Возникает новый парадокс политического сознания (во многом, вероятно, имеющий иррациональный оттенок): в качественно новой социально-экономической и политической ситуации как бы возрождается *традиционная российская иллюзия «о хорошем царе и плохих боярах»*. Причем, как показывают многочисленные исследования степени доверия россиян (и не только молодых), этот разрыв в оценках Президента и других властных структур сохраняется, а порой и увеличивается. Доверие к Президенту одновременно сочетается с неприятием бюрократии.

Ряд позитивных изменений в степени и масштабах недоверия произошел в последние годы. Речь пока идет не о растущем доверии, а о некотором снижении недоверия студенчества к конкретным социальным и политическим институтам. Особенно заметно это по отношению к правительству РФ и церкви. Снижается уровень недоверия и к региональной и местной власти. Но можно говорить и о сохраняющемся высоком уровне недоверия к армии и политическим партиям. Сохраняется и выявленная ранее тенденция: недоверие к органам законодательной и судебной власти выше, чем к исполнительной власти. В исследовании 2007 г. в вопрос о доверии к социальным и политическим институтам было внесено методическое изменение: эти институты были разграничены на федеральные и региональные, му-

ниципальные. Это позволило конкретизировать анализ: по исполнительным и правоохранительным органам недоверие выше к региональному, муниципальному уровню; по законодательным органам – к федеральному уровню. Несколько сократилось недоверие к СМИ разных уровней, резко увеличившееся в период 1999-2003 гг. в связи с теми политическими кампаниями (нередко в духе «черного пиара»), в которых участвовали многие СМИ.

Заметна значительная близость уровней доверия/ недоверия у различных групп студентов. Многие из различий (например, большее доверие к Президенту РФ женщин и бюджетников в сравнении с мужчинами и контрактниками) невелики и связаны скорее с психологическими факторами. В значительной мере схожи студенты и в своем недоверии. Особенно это проявляется в недоверии к политическим партиям, которые у всех категорий студентов занимают последнее место в рейтинговом ряду. Возможно, именно низким доверием к политическим партиям, их программным и предвыборным лозунгам объясняется противоречивость политических и идеологических ориентаций студенчества. Отвергая однопартийную систему, они не высказались в поддержку многопартийной системы. Ведь оценивают они не абстрактную модель, а ту конкретную российскую реальность, где нормальная многопартийная система до сих пор еще не сложилась. Четвертый и пятый этапы мониторинга (2007, 2009 гг.) показали еще один аспект такой противоречивости. Даже реально оценивая лидерские позиции «Единой России», студенты не изменили общего негативного отношения к политическим партиям.

В рамках четвертого этапа мониторинга был вопрос об отношении студентов к предстоящим выборам депутатов Государственной Думы и Президента РФ, их готовности в них участвовать. На пятом этапе он был заменен (поскольку выборы федерального значения уже прошли) на вопрос о готовности студентов принять участие в ближайших выборах депутатов местных законодательных органов.

На ранних этапах мониторинга (1995–2003 гг.) *индексы электоральной активности* студенчества были стабильно низкими. В 2007 г. произошел их заметный рост, особенно по отношению к президентским выборам (вдвое). Однако разрыв в готовности участвовать в разных выборах (с приоритетом президентских выборов в сравнении с думскими) не только сохранился, но и резко вырос. Непосредственное участие Президента РФ в избирательной кампании по выборам депутатов Государственной Думы повысило число избирателей-студентов и на этих выборах. Примечательно, что и применительно к местным выборам в 2009 г. этот индекс не снизился (почти каждый второй респондент накануне выборов был готов принять в них участие), хотя, конечно, от готовности участвовать в голосовании до реального участия достаточно длинная дистанция. При всей условности подобных сравнений необходимо отметить, что на предыдущих этапах мониторинга (до 2003 г.) такую готовность проявлял лишь каждый четвертый респондент.

Особый интерес представляло выявление мотивов неучастия студентов в выборах. Уже на первом этапе мониторинга в 1995 г. эти мотивы были выделены в общем виде:

- отсутствие интереса к политике;
- слабая осведомленность о событиях и процессах политической жизни;
- слабая осведомленность о кандидатах, партиях и их программах;
- уверенность, что от моего личного участия ничего не зависит;
- уверенность, что результаты выборов предreshены.

Как же на вопрос о мотивах неучастия в выборах ответили студенты в 2007 и 2009 гг.?

Таблица 8

Что мешает принимать участие в выборах? (% от ответов)

Значения	2007	2009
Не нахожу приемлемой для себя кандидатуры	42	34
От выборных органов в нашей стране мало что зависит	31	33
Уверен, что результаты выборов заранее predeterminedены	21	27
Мне нет дела до политической жизни страны	6	6

Приоритетный мотив – отсутствие политиков, которым студенты могли бы доверять (хотя количественно он в 2009 г. и несколько снизился). Выясняется, что недоверие к партиям или доверие к Президенту РФ имеет у многих студентов (да, очевидно, и у россиян в целом) *персонифицированный характер*. Ситуация осложняется и тем обстоятельством, что студенты плохо информированы о политической жизни страны и реальных политиках. А для политиков студенты (молодежь в целом), как правило, *не выступают в качестве значимого электората*. Ситуация как бы имеет замкнутый характер: студенты не очень активно участвуют в выборах – именно поэтому политики не очень активно работают в студенческой среде, а это воспроизводит электоральную пассивность студентов. Для каждого третьего значимым мотивом неучастия в выборах (и в 2007 г., и в 2009 г.) выступает весьма пессимистическая оценка роли выборных органов (с этим, очевидно, и связан уже отмеченный приоритет исполнительной власти над законодательной в рейтинге доверия студентов). К сожалению, реальная практика работы этих органов и – самое главное – информирование студентов о них далеко не всегда способствует изменению позиции студентов. Каждый пятый не верит в честность выборов, считая их «выборами без выбора» с заранее predetermined результатом.

В целом электоральная пассивность – наиболее четкое проявление аполитичности студенчества, его безразличия к политике, что деформирует его гражданскую культуру. Обобщая результаты нового этапа мониторинга о гражданской культуре студенчества и его политическом компоненте, отметим. Стремление интересоваться, участвовать, влиять – типичные проявления «политической» сущности человека. Студенчество находится лишь в самом начале пути становления своего политического сознания. Отсюда у студентов столь разные оценки и разное отношение к различным феноменам политической жизни общества. От живого интереса к апатии, от стремления принимать участия в различных организациях и движениях – к осуждению политики и тех, кто ей занимается.

Каков же сегодня «студент-политический», каков его облик? Справедливо ли «типологизировать» студенчество по политическим взглядам и оценкам или же, признав крайнюю неоднородность, отказаться от такой попытки? И главное, что делает политику действительно значимой сферой жизнедеятельности для студента?

Выделим в анализе данных социологического исследования три момента:

- *Отношение студентов к политике* как социальному феномену характеризуется такой парой противоположностей: интерес – апатия, безразличие. Примерно равное количество респондентов занимают диаметрально противоположные позиции. Интересно отметить, что около 10% опрошенных выразили эпикурейский взгляд на политику («не интересуюсь, держусь подальше от неё»). Сохраняется деидеологизированность многих студентов, неприятие каких-то конкретных идеологических постулатов. Вместе с тем приверженцев либеральных рыночных реформ, столь популярных в студенческой среде в 1990-х гг., становится всё меньше (вероятно, это может являться результатом конъюнктуры, неспособностью рыночными способами решать насущные проблемы, вызванные экономическим кризисом). Рассматривая (как своеобразные эксперты) возможные причины аполитичности, большинство студентов связало её с отсутствием интереса, низкой осведомлённостью о политических событиях или наличием других более значимых интересов.
- Другая группа вопросов была посвящена *отношению студентов к деятельности различных политических институтов и организаций*, которое выражено парой противоположностей: доверяю – не доверяю. Здесь можно сделать почти однозначный вывод: кроме Президента РФ (и в значительно меньшей степени – Церкви), никакие политические институты не пользуются доверием студентов. Причины недоверия, впрочем, могут быть весьма различными. Так, например, характерен более низкий уровень доверия к законодательным органам власти по сравнению с исполнительными. Это объясняется тем, что деятельность Государственной Думы сопоставляется с деятельностью политических партий и объединений, чей рейтинг доверия ещё ниже. Интересно при этом отметить, что именно партия «Единая Россия», имеющая конституционное большинство в Государственной Думе, по мнению 2 из каждых 5

респондентов в наибольшей степени выражает интересы студентов. Снижение уровня доверия также характерно с «приближением» конкретных результатов политической деятельности к студенту, что особенно проявляется в высоком уровне недоверия к местным и региональным органам власти. Очевидно, это объясняется лучшим знанием реальных действий властей в деле решения важнейших социально-экономических проблем жителей региона и города (и потому – более наглядным ощущением недостаточной эффективности этих действий). Сказывается и то, что именно местные и региональные органы зачастую непосредственно реализуют «непопулярные» в общественном мнении меры. Особенно тревожит сохраняющееся недоверие к армии, правоохранительным и судебным органам, СМИ, к церкви.

- Последняя группа вопросов посвящена осмыслению значения политического участия и влиянию студентов на политическую сферу жизни общества. Выражением отношения студентов к политическому участию является пара противоположностей: участие – не участие. В этом вопросе студентам оказывается свойственен больший прагматизм и рациональная оценка. Например, пессимисты остаются в меньшинстве в вопросе об участии студентов в различных общественных и молодёжных организациях. Кроме этого для большинства студентов очевидно и многообразие форм студенческого участия. Такому прагматичному взгляду сопутствует, одновременно, традиционно низкая популярность выборов в различные органы власти как элемент политического участия. Только половина респондентов собиралась принять участие в ближайших выборах депутатов Городской Думы. На деле явка студентов на выборы составляет гораздо меньший процент. Характерен также и ответ на вопрос о причинах низкой популярности выборов, это либо недоверие к кандидатам, либо сомнение в справедливости самого выборного процесса.

Итак, подводя итог, выделим ряд типичных и вполне устоявшихся тенденций:

- Во-первых, заметно отсутствие единого взгляда на политические процессы и отношение к ним. Для современного российского студенчества более характерно многообразие форм отношений к политическим процессам, чем однообразие. Незрелость оценок соседствует с прагматичными мотивами («а что мы будем иметь от этого»), сомнения в действенности политического участия и справедливом устройстве общества.
- Во вторых, студент ощущает значительный дискомфорт, сомнение и недоверие ко многим политическим явлениям, социальным и политическим институтам. Однако окончательно при этом уходить в апатию он не намерен. По сути, скепсис у студента вызывает лишь традиционный способ участия через политические выборы. Не видя возможных вариантов противодействия такому ходу событий в настоящем и ближайшем будущем, студент, чаще всего, склонен к простому игнорированию политики вообще, прибегая к некой защитной реакции. Тем самым, выстраивается некая схема взаимодействия: если я безразличен миру, то и мне мир тоже безразличен. А это означает необходимость серьезных усилий по повышению качества политической социализации студенчества.
- В-третьих, ко всему перечисленному добавляется снижение влияния среди студентов идей демократии. Недоверие в справедливый суд, независимые СМИ, систему выборов подрывает глубокое убеждение в правильности выбранного демократического пути развития, и снижает созидательный потенциал молодёжи как самостоятельной, самодеятельной части общества, его важнейшего социального ресурса.

С учетом отмеченного особый интерес представляет сравнение гражданских ориентиров студентов России и Украины, осуществленное в ходе исследования студентов Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ) и Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (ХНУ).

Россия и Украина переживают сложный этап трансформации, этим фактом обусловлены схожие актуальные проблемы в социальной, экономической и культурной сферах. Многовековая близость народов и общность истории наложила отпечаток на поиск идентичных стратегических путей развития. Однако, несмотря на все сходства, политическая ситуация в России и Украине последних лет сильно отличались друг от друга.

В России продолжался период относительной политической стабильности, начавшийся с 2000 г. Изменения, которые претерпевала политическая система, вызваны консервативными настроениями политической элиты и общества в целом. За последние годы в России были внесены значительные изменения в Конституцию, избирательное законодательство, порядок выборов глав субъектов федерации, политических партий и т.д. Общий тон реформ Президента В.В. Путина и Д.А. Медведева выразился в курсе на стабилизацию политических процессов и построение жёсткой вертикали власти. Прямым итогом выбранного курса является снижение политической конкуренции и уровня оппозиционности косвенным итогом стало усиление индифферентного отношения к политике со стороны общества. Россияне, в массе своей и без того сомневавшиеся в возможностях демократии, с воодушевлением отнеслись к идеям «централизованной власти» и «сильной руки», которые бы устранили необходимость активного участия граждан в политической жизни.

Политическая ситуация в Украине последних лет в значительной мере отличалась от российской. События «оранжевой революции», на первых порах, увеличили политизированность общества. Власть нуждалась в большом количестве сторонников, и в этих условиях увеличилось число акций прямого гражданского участия. Украинское студенчество самым активным образом включилось в борьбу за политическую власть, развернувшуюся между претендентами на пост президента. Причём молодёжь составляла костяк как в одном лагере, так и в другом. Однако последующая череда политических кризисов, вызванная противостоянием президента, правительства и парламента резко снизили уровень доверия к политическим институтам. Вместе с тем наметилась и другая тенденция: граждане устали от постоянных политических баталий, всё чаще стали звучать призывы к стабилизации политической ситуации. На волне этих настроений в 2010 г. президентом Украины был избран В. Янукович.

На этом фоне особый интерес вызывают различия в политическом сознании российских и украинских студентов. Основным предположением, предвосхищающим эмпирическое исследование, было то, что расхождения в общих гражданских установках студентов не значительны, а следовательно, они не определяют отношения к политике. Исследование политических установок предполагает:

- анализ мотивов поведения и способов участия молодёжи в политической жизни. Политическое участие оценивается как одна из основных характеристик демократии, как средство политической социализации и политического воспитания, разрешения конфликтов, борьбы с бюрократией и политическим отчуждением граждан¹. Наиболее общим в отношении к политике выступает наличие или отсутствия соответствующего интереса²;
- изучение уровня осведомлённости студентов о принципах функционирования политической системы в целом и отдельных органов власти, конституционных основах, политических и гражданских правах;
- анализ идеологических предпочтений, выраженных в значимых политических ценностях и способах достижения политических целей (борьбы и удержания власти).

Позитивное или негативное восприятие власти, государства и политики в целом современного студенчества, отношение к политике и конкретным политическим процессам, готовность принимать участие в политических процессах формируется на основе политических установок.

Политические установки определяют как внутреннюю, не всегда осознанную готовность актора совершать определённые действия, так и внешнее поведение, адекватное той или иной социально-политической ситуации.

В рамках социологического анализа можно выделить следующие виды политических установок: на ситуацию, на объект, на политическую систему, на режим, на политические силы, на конкретные политические институты, на лидеров.

¹ Политология: учебник / Ю.В. Ирхин, В.Д. Зотов, Л.В. Зотова. М.: Юрист, 2002. С. 376.

² Гражданская культура современного российского студенчества / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого, В.Т. Шапко. Екатеринбург: Маска, 2007. С. 227.

Изучая политические установки студенчества, вначале необходимо проанализировать отношение студентов к политике, к политическим процессам.

Таблица 9

«Ваше отношение к политике, политическим процессам в обществе?»

Варианты	УрФУ	ХНУ
Заинтересованное, постоянно следите за событиями	11	15
Периодически интересуетесь (в зависимости от событий)	58	47
Равнодушны к политике	22	11
Принципиально не интересуетесь	5	5
Политика вызывает у Вас лишь раздражение	4	22

Украинские студенты проявили больший интерес к политическим процессам, чем российские, возможно, потому, что уровень просвещённости и политической грамотности украинских студентов несколько выше, поскольку политические кризисы в Украине и широко-масштабное их освещение в СМИ способствовало высокой информированности граждан о социально-политической ситуации в стране. Политические кризисы потребовали от украинцев сосредоточиться на проблемах власти и более активно выражать свою гражданскую позицию. Отсюда и оборотная сторона: политика вызывает раздражение у каждого пятого украинского студента, поскольку политические баталии и перемены стали привычными условиями жизнедеятельности и постоянными темами новостных сводок и обсуждений.

Как раз относительно стабильная внутривнутриполитическая ситуация в России в последнее десятилетие порождает равнодушное отношение к политическим процессам. Каждый пятый российский студент равнодушен к политике, этот показатель вдвое больше, чем у украинских. Заинтересованность в политических процессах российских студентов носит скорее случайный, ситуативный характер, и выражается в заинтересованности конкретными политическими деятелями и событиями.

Заинтересованное отношение к политике украинских студентов обусловлено стремлением к автономному развитию, нежеланием «быть марионеткой» и убеждённости в том, что политические знания необходимы для современного человека.

Примечательны причины равнодушного или отрицательного отношения к политике.

Таблица 10

«Если ваше отношение к политике равнодушное или отрицательное, то чем это обусловлено?» (в % к числу ответов тех, кто отметил такое отношение)

Варианты	УрФУ	ХНУ
Разочарованием в способности политиков изменить жизнь к лучшему	28	42
Неверием в то, что Ваше мнение, позиция что-то решает	23	23
Убеждением, что политика – «грязное дело», от которого следует держаться подальше	10	12
Убеждением, что каждый должен заниматься своим делом: политической должны заниматься политики	12	5
Нежеланием отвлекаться от других, более важных дел	9	5
Это не интересует тех, с кем вы обычно общаетесь	3	3
Вам это просто не интересно	15	10

Каждый четвертый российский студент разочарован в способности политиков изменить жизнь к лучшему, у украинских студентов этот показатель еще выше. Связано это всё с теми же политическими кризисами: каждый политический лидер в предвыборной агитации обещает политическую и социальную стабильность, повышение качества жизни и т.д., но в результате перемен не наблюдается, степень доверия к власти снижается, растёт убеждение, что мнение отдельно взятого гражданина ничего не может изменить. Ссылаясь на предыду-

шие исследования, можно выделить ряд аспектов наблюдаемой неуверенности. Неуверенность отражает реальную политическую отчуждённость большинства молодых людей. Но чаще – особенно среди студенчества – приобретает форму неприятия дилетантизма, непрофессионализма в любой сфере жизнедеятельности (в данном случае – в политической сфере)¹.

Очевидна бóльшая аполитичность российской молодёжи. Вероятно, потому, что в политической системе России нет сформированной, чёткой оппозиции, конкурентных социально-политических программ, что исключает необходимость выбора какой-либо позиции, изучения положений и программ партий. Этим оправдана и бóльшая неопределённость российских студентов в соотнесении себя с политико-идеологическими направлениями (её отметил каждый пятый студент УрФУ (22%), каждый шестой (17%) студент ХНУ). Большинство идеологических ориентаций студентов обоих вузов совпадает: коммунистическое (УрФУ – 3%, ХНУ – 4%), социалистическое (6% и 6%), экологическое (7% и 8%). Хотя проявляются и различия. Среди студентов УрФУ бóльшее распространение, по самооценкам, имеют социально-демократическое (24% против 17%) и либеральное (23% против 16%), среди студентов ХНУ национал-демократическое (18% против 6%). Последний момент, очевидно, связан с реальной историей Украины, обретшей «самостоятельность» лишь недавно. Образ «самостоятельной» Украины глубоко укоренился в сознании и молодых украинцев.

Международное исследование позволило выявить и некоторые особенности в *протестном поведении* студентов обоих вузов.

Таблица 11

Как бы Вы поступили в ситуации, когда действия властей вызывают у вас недовольство?

Варианты	УрФУ	ХНУ
Активно протестовал бы, даже если бы мог и пострадать	10	14
Принял бы участие в массовых мероприятиях, но без последствий для себя	23	20
Активные формы протеста одобряете, но не готовы участвовать	32	32
Митинги, демонстрации только усиливают напряженность	35	34

Активное прямое политическое участие не одобряют ни российские, ни украинские студенты – большинство студентов считает, что митинги и демонстрации только усиливают напряжённость. В случае с украинскими студентами можно сказать, что прослеживается некоторая усталость от политической и социальной нестабильности в стране. Однако 14% украинских студентов, в отличие от 10% российских, готовы активно протестовать, даже если могут пострадать. Этот показатель тоже может быть оправдан напряжённой политической ситуацией и желанием украинских студентов жить в государстве с устоявшейся политической системой, возможностью свободно выбирать власть и выражать свою гражданско-политическую позицию.

И еще ряд нюансов в политической культуре студентов обоих вузов выявило исследование. Для них одинаково приоритетной является готовность принять участие в следующих выборах Президента. Но студенты УрФУ выражают эту готовность сильнее (индекс готовности у них, как соотношение позитивных и негативных ответов, + 0,5; у студентов ХНУ он ниже +0,33). Почти не различаются они в акценте на роль лидера, ведущих политиков в выборе партии, за которую они собираются голосовать. Однако для украинских студентов очень важна также деятельность партии в парламенте и местных органах власти. Это в какой-то мере говорит о том, что украинские студенты в бóльшей степени осведомлены об устройстве политической системы и оценивают деятельность партии на местах, что и определяет их выбор в пользу той или иной партии. Кроме того, для большинства украинских студентов очень важно соответствие практической деятельности партии и её программы

¹ Гражданская культура современного российского студенчества / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого, В.Т. Шапко Екатеринбург, 2007. С. 246.

официальным заявлениям лидеров партии, что свидетельствует о более развитом политическом сознании и политической грамотности украинских студентов.

На основе проведённого исследования сделаем некоторые обобщённые выводы. Во-первых, стоит отметить созвучность в логике ответов на многие вопросы, заданные российским и украинским респондентам. Несомненно, культурная общность народов продолжает играть ключевую роль в формировании гражданских и политических установок молодого поколения. Во-вторых, отмечая наиболее существенные различия, вызывает некоторую тревогу довольно большая популярность национал-демократической идеологии в среде украинских студентов. Это может быть связано как с продолжающимся поиском своей национальной идентичности, так и с популяризацией идей мононационального государства. Очевидно, государственный суверенитет Украины до сих пор считается хрупким некоторыми политическими деятелями. В-третьих, стоит отметить чуть более высокий уровень политической активности украинских студентов. Ещё свежи в памяти молодых людей события «майдана», где активную роль сыграло именно студенчество, защищавшее идеи свободы и демократии. Российские студенты наоборот более инертны, на их долю не выпадало «славных» событий больших политических перемен, к тому же они не особо к этому и стремятся. В-четвёртых, политический курс Украины, скорее всего, приведёт к возрастанию тенденции идентичности в политических установках российских и украинских студентов.